

Не нравилась Ярине изба бабкина, да кто ж, кроме нее, поможет старухе к дедам уйти? Родители наотрез отказались приближаться к больной, только руками махали, когда разговор заходил об этом. Матушка строго-настрого запретила Ярине к бабке захаживать, ведь в деревне давно слухи ходили, что та с чертом дружбу водит. Батюшка лишь плечами пожимал, мол, поступай как знаешь. Вот она и поступила: собрала короб, на спину его закинула и окольными тропками к лесу пошла.

Бабка-то никогда добра не была, от нее не то что сластей, даже похвалы не дожидаться, но жаль ее стало Ярине, не понимала она, за что соседи так ненавидели старуху.

Поговаривали, конечно, что скотдох у тех, кто в лицо бабке осмелился что-то плохое сболтнуть. Но разве ж то доказательство? И глаз, говорили, дурной у нее, и язык сучий. Да только Ярина не верила этим рассказам, любила старуху, хоть и получала от нее больше затрещин, чем добрых слов.

Изба бабкина стояла поодаль от соседских дворов, у самой кромки леса, в тени разлапистых елей. Забор из веток ей помогала собирать Ярина, а калитку они так и не поставили. Как заболела старуха, ни одна живая душа ее не провела, а ведь когда хворь кого одолевала или

понести женщина не могла, то все шли к бабке Агриппе за настоями да травами.

Ярина шагнула в полумрак избы, поставила корзинку на пол и огляделась: свечи не горели, печь остыла, пахло сыростью и хвоей. Из комнатушки, в которой бабка Агриппа лежала, не доносилось ни звука. Решив проведать старую, Ярина прошла через горницу и заглянула за скрипучую, разохшуюся дверь.

— Баб? — позвала она. — Ты жива еще?

— Да жива пока, — откликнулась та из темноты. — Хоть свечу зажги, девка, не видно ж ничего!

Ярина вздохнула. Опять ворчит, старая!

— Ты бы поприветливее была, а! — Ярина вернулась в горницу и зажгла огарок свечи огнивом. — Всех отадила от себя!

— А оно и к лучшему! — выкрикнула из комнатки Агриппа. — Люди — скоты неблагодарные, ты тоже это поймешь, да поздно будет! Помяни мое слово!

В свете свечи скудное убранство избы стало заметнее. В углах поселились пауки, лавки посерели от сырости, пол усеивали пятна, похожие на плесень.

В комнатке, на небрежно сколоченной лежанке Ярина увидела Агриппу — седые волосы были всклокочены, сведенные болезнью руки сжимали тонкое одеяльце. Но взгляд бабки оставался острым, словно нож. Агриппа вся сморщилась, как сушеное яблоко, но глаза были молодыми и ясными.

— Ну, что же ты?

Ярина ногой подвинула табуретку к лежанке и уселась. Свечу поставила на пол, подальше от свисающего края одеяла. От бабки пахло застарелым потом и старостью, а еще — смертью.

— Ишь, какая коза выросла, — со знанием дела отметила Агриппа. — Сколько тебе годков-то уже?

— Так девятнадцать уже, баб.

— И все в девках ходишь?

— А то ж.

— Приглянулся тебе хоть кто-то? Хотя на кого тут смотреть, видят боги, одни дураки в деревне остались. Дураки и ущербные.

— Баб! — возмутилась Ярина. — Будет тебе людей-то обижать.

— Людей... Не помнишь, что ли, как тебя в детстве гоняли?

— Не держу я зла на них. Дети ведь, да и давно это было. Ты лучше...

— Дети! — возмутилась Агриппа. — Как они тебя прозвали, а?

— Баб...

— Как прозвали? Отвечай!

— Пугалом, — выдохнула Ярина. — Довольна теперь?

— А ты все к ним ластишься, как собака побитая. — Агриппа приподнялась на локтях и плюнула на пол.

— Баб! Ну что ты делаешь?!

— Всех, кто не похож на них, они готовы на вилы насадить! Помяни мое слово, я...

Агриппа закашлялась, а Ярина головой покачала и вздохнула.

Ну да, было, дразнили ее в детстве из-за копны рыжих волос и веснушек, да, задирали — но разве это повод на детей злиться всю жизнь? Позже, правда, умнее соседская ребятня не стала. Девчонки постоянно напоминали, что у Ярины ни бровей, ни ресниц на лице не видать из-за того, что они рыжие; мальчишки гулять не звали, нарекли самой некрасивой в деревне. А ей-то что? Давно это все было, почти все обидчики уже семьи завели, кто-то уехал, а кто-то и вовсе помер.

— Дура ты, — выдохнула Агриппа. — Прощаешь всех, зла не держишь...

— А ты? — Ярина разозлилась на бабу. — Из-за твоей злобы тебя одну помирать оставили! Не будь меня, ты бы так и лежала тут, соседи бы ставни заколотили и позабыли о тебе!

— Я бы позабыть им не дала. — Агриппа вдруг захихикала как девчонка. — От меня так просто не избавиться, внучка.

Мурашки поползли по спине Ярины от этих слов. Она поехала, воздух вокруг стал холодным и неприятным, будто в могиле. Половица где-то скрипнула, а за ней другая — Ярина прислушалась.

— Страшно? — свистящим шепотом спросила Агриппа.

— Вовсе нет, — дрожащим голосом ответила Ярина.

— Разбери-ка ты крышу, дочка. Скоро мое время придет.

— Зачем, баб?

За спиной Ярины скрипнула дверь. Половицы жалобно затрещали, будто на них наступил кто-то тяжелый. Агриппа смотрела поверх плеча Ярины, взгляд ее поразительно ясных глаз был устремлен не на внучку, а на кого-то за ее спиной.

От страха волосы на затылке Ярины зашевелились, мурашки по коже поползли. Хотела бы она обернуться, да не могла — тело будто окаменело. Агриппа кивнула невидимому гостю — и воздух тут же потеплел, огонь свечи стал ярче, тени расплзлись по углам.

— Разбери крышу, — повторила старуха. — Скоро за мной придут.

Ярина встала с табуретки и медленно обернулась. Никого за спиной ее не было, только дверь оказалась прикрыта. Выходить в темную горницу не хотелось, но не оставлять же бабу без свечи? Пришлось Ярине сжать

кулаки и отважно перешагнуть порог. Коленки дрожали, зуб на зуб не попадал, но она сумела запалить еще один огарок.

Находиться в избе стало неприятно, Ярине хотелось отмыться от этого места, пойти в баню и париться до тех пор, пока кожа слезать не начнет. Она распахнула дверь, вдохнула хвойного воздуха, прислонилась плечом к косяку и угрюмо уставилась на соседские дома. Неужто никто не мог ей с бабкой помочь? Знали ведь все, ока-янные, что той всего ничего жить осталось. Еще и эта крыша...

Каждый в деревне ведал: когда умирает колдушка, следует разобрать крышу, чтобы дух ее смог улететь из дома. Да только какая из Агриппы колдунья?!

Ярина топнула ногой, разозлилась, кинулась к покосившейся клетки и достала лестницу. Все руки занозила, пока тащила ее к избе, а потом все колени ободрала, пока на крышу взбиралась, но не остановилась, пока до печной трубы не добралась. Уселась поудобнее и начала крышу разбирать: ругалась сквозь зубы, кидала прогнившую солому и камыш вниз, сама не знала, на кого злилась — на себя, на бабку или на весь белый свет.

— Крышу ей разбери, — шипела Ярина, — колдунья она, оказывается... Ну да, ну да...

Вскоре через дыру в крыше стало можно разглядеть горницу. Решив, что она и так сделала больше, чем должна была, Ярина спустилась на землю и посмотрела на потемневшее небо.

— Вот пойдет дождь, узнаешь! — выкрикнула Ярина, заглядывая в избу. — Слышишь меня, баб?

Агриппа не откликнулась. Утерев пот со лба, Ярина взяла свечу и прошла к бабкиной комнатке, да только не было той на лежанке.

— Баб? — снова позвала Ярина. — Ты куда делась-то?

Кто-то тронул ее за плечо. За спиной раздались торопливые шаги. Ярина обернулась, свеча погасла, и она оказалась в вязком полумраке избы. Медленно, словно нарочно, дверь сама собой закрылась у нее на глазах.

Ставни захлопали, половицы застонали, а следом раздался раскат грома, да такой громкий, что Ярина зажала уши и зажмурилась.

Глаза закрыть-то она закрыла, а вот открывать страшно стало: вокруг ходил кто-то, стонал, царапал пол когтями. Ярина решилась поглядеть, что творится, приоткрыла глаза и сквозь узкую щель меж веками и ресницами увидела горницу темную, а в ней тварь, да такую уродливую! Ноги козлиные, тельце щуплое, рога на голове, а рожа как у твоего порося!

Ярине испугаться бы, закричать, да только смех ее разобрал. Стояла, смеялась, сказать ничего не могла, а черт глядел на нее и глазками хлопал.

— Смешно тебе? — прихрюкивая спросил он.

— Очень смешно! — призналась Ярина. — Ну и морда у тебя! Свинья свиньей!

— Поглядите-ка на нее! — возмутился черт. — Давно тебя не пугали, видно!

Пламя из печи вырвалось, ветер завыл, изба застонала, а Ярина подбоченилась и выкрикнула:

— Это ж кто меня пугать решил? Ты, что ли? А ну пшел прочь!

Она кинулась к печи, схватила ухват, да как огрела черта по хребту! Тот заверещал, начал метаться по горнице.

— Ишь, устроил! А ну верни бабку, проклятый! — Ярина снова ухватом замахнулась. — А не то так отхожу, своего отражения свинячьего не узнаешь!

Черт завизжал, к двери кинулся, но Ярина за хвост его поймать успела, к себе подтащила, другой рукой за бороденку жидкую схватила и давай его трясти.

— Бабка где моя?! Отвечай!

— Забирай, забирай свою бабку! — закричал перепуганный черт. — Совсем люд озверел, ничего не боится!

Ярина хвост не отпустила, на руку намотала и к ложнице* пошла, а черт за ней по полу волочился. Смотрит Ярина, лежит Агриппа, бледная, ни жива ни мертва.

— Отпусти! — взмолился черт. — На что я тебе сдался?

— То-то и оно, что не нужен ты здесь! Давай, убирайся!

Направился черт к двери, Ярина его ногой подгоняла, а как к порогу подошли, размахнулась и такого пинка ему дала под дупу лохматую, что черт во двор укатился, рылом свиным землю вспахал.

— И чтоб духу твоего здесь не было! — вслед ему крикнула Ярина и захлопнула дверь.

— Ты почто с ним так? — раздался голос из бабкиной комнатки.

— Ах, почто?! — взъярилась Ярина. — Я сейчас и тебя...

Не успела договорить — Агриппа из комнатки вышла, свечу держала в дрожащей руке, а другой на стену опиралась. Поутих гнев, Ярина на помощь к старухе поспешила:

— Что же ты? Зачем встала?

— Усади меня у печки, — попросила Агриппа. Голос ее совсем слаб был.

Ярина кинулась в комнатку, схватила одеяло, завернула в него бабку и довела до печи. Там сесть помогла, ноги ей укутала, поленьев подбросила в огонь.

* Спальня (*устар.*).

— Из-за глупости твоей холодно здесь, — проворчала Ярина. — Зачем было крышу разбирать, а?

— Знаешь ведь, зорюшка, что не зря люди стороной меня обходят, — тихо сказала Агриппа. — Много добра я сделала, а бед принесла еще больше.

— Глупости, — отрезала Ярина. — Все это сказки, то, что про тебя говорят! Даже если ведаешь, кому от этого плохо? С каких это пор ведающая мать в деревне к беде?

— Буду просить дедов, чтобы оберегали тебя. — Агриппа закашлялась.

— От чего, баб?

Ярина не поняла, что случилось: хотела одеяло поправить, но вдруг вцепилась бабка в ее руку, сжала до боли, в глаза заглянула и выкрикнула:

— Теперь твоя сила могучая, и ни конца ни края у нее не будет! Слово мое крепко, как алатырь-камень!

Ярина отпрянула, упала на пол и увидела, как изо рта бабкиного сорока выпорхнула. Птица заметалась, заби-лась, а потом взмахнула крылами и через дыру в крыше вылетела.

— Баб! — выкрикнула Ярина. — Баб!

Но Агриппа ей не ответила — испустила дух. Так и осталась лежать в одеяло завернутая, а на лице ее впервые в жизни Ярина покой увидела. Бабка больше не хмурилась, не прищелкивала языком язвительно, тихо ушла к дедам.

Ярина заплакала, сама не поняла почему: стало то ли Агриппу жаль, то ли за себя страшно. На руке ее красные пятна остались и следы от ногтей. Совсем у бабки ум за разум зашел перед смертью.

Выплакавшись, Ярина пошла в деревню, к батюшке, помощи просить. Схоронить требовалось Агриппу: какой бы она ни была при жизни, а покой заслужила.

Мать помогать отказалась, так что за срубом Ярина и батюшка вдвоем пошли. Ни о чем не говорили, работали спокойно и споро. Собрали для бабки маленькую избушечку, окурили подпорки смолами, принесли тело Агриппы и положили внутрь.

Как закончили, батюшка сказал:

— Любила она лес, думаю, рада будет, что подальше от людей ее схоронили.

— Она же матерью твоей была, а ты к ней даже не захаживал, — укоризненно сказала Ярина.

— Сама знаешь, что о ней говорили, — отмахнулся батюшка. — И не ввали же.

— Что значит «не ввали»?

— Ведала она, это да, но как помер батя, то в нее будто бес вселился: все шептала, все варила что-то... — Батюшка покачал головой. — На могилу к нему ходила, все поднять пыталась.

— Покойника?! — ужаснулась Ярина.

— Не знаю уж, с кем она связалась, но с тех пор сама не своя стала. Померла — и ладно... Пойдем, дочь, стемнеет скоро.

Из леса Ярина вышла задумчивая. Не могла она поверить, что кто-то решится покойника из Нави возвращать. Неужто Агриппа и правда такими делами черными занималась?

Засмеялся кто-то, да так залиvisto, что и батюшка обернулся, и Ярина. И они увидели у кромки леса черта — тот язык показывал и хвостом вертел. Тыкал пальцем черным, похрюкивал, хохотал так, что круглое пузо тряслось.

— Не смотри на него!

Батюшка Ярину за локоть схватил и к деревне потащил, а та все на черта оглядывалась. Поселилось в ее душе

чувство неведомое, тяжелое, вспомнила она слова бабкины — и похолодела.

— Батюшка, — пробормотала Ярина, — коль Агриппа колдушкой была, могла она дар свой передать?

Батюшка застыл, обернулся медленно и на дочь уставился.

— Говорили мы тебе, чтобы не ходила ты к бабке, — устало сказал он. — Значит, судьба твоя такая.

Ярина ответить хотела, да не успела: батюшка обухом топора ее по голове ударил — и она без чувств упала на землю.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

